

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

жену, которая совершенно не знает русского языка и теперь живет как отшельница. Жаль маленькую дочь».

Я же ему взаимно ответил, что мне жалеть нечего. У жены моей и у детей со временем боль утраты исчезнет и будут жить потихоньку без меня. Единственно, на что я зол, почему меня, простого мужика, крестьянина-бедняка незаслуженно делают польским шпионом?

В заключении мы договорились: в случае если кому подвернется лучшая фортуна в жизни, обязательно должны проявить взаимную заботу друг о друге. И оба буквально сидя мы уснули на койке.

Утром 11/XII 1937 года после завтрака меня вызвали опять к следователю. Следствие шло буйно... Длилось оно без перерыва с 8 ч. утра 11/XII до 5 ч. 30 минут утра 12/XII. Это было в большом здании НКВД. Вдруг заиграло радио с песней «Эх, как хорошо в стране Советской жить». Я упал и потерял сознание.

Очнулся только в тюремном госпитале в «Крестах». С этого момента потерял связь с Николаем Александровичем Невским.

Позднее мне в одной из тюремных камер Ленинградских тюрем пришлось встретиться с Николаем Иосифовичем Конрадом. Этот человек противоположный тип Н. А. Невскому, потом уже бессовестный и неблагодарный человек, хотя он ныне и академик.

Вот что я мог Вам написать. Что Вы извлечете из моей писанины, я не знаю. Мое единственное пожелание Вам, Евгений Иванович. Воскресите правдивую память о Николае Александровиче Невском, а если выйдет в свет Ваш труд о Н. А. Невском, пришлите мне.

Второе, о чем хочу Вас просить, если удастся Вам встретиться с дочерью Еленой Николаевной, передайте ей мой родной старческий привет. Шлю привет З. И. Горбачевой.

*Остаюсь с уважением к Вам
В. М. Титянов*

Вспоминая Невского

О. П. Петрова

Память о Н. А. Невском дорога мне не только как память об ученом — этнографе, филологе и лингвисте, но и как о человеке, достойном того, чтобы его вспомнили добрым словом.

Я познакомилась с Н. А. осенью 1932 г. в Ленинграде. Познакомил нас Ока Фумио, преподаватель японского языка в Восточном институте (ЛВИ) и в Институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ) (в 1937 г. вошел в состав филологического факультета ЛГУ).

Формальным поводом для знакомства было мое знание японского языка. Я преподавала русский язык во Владивостоке японским рабочим, законтрактованным на сезонную работу на рыболовецких судах в Советском Союзе. Разговаривая ежедневно по-японски, я приобрела некоторую беглость речи и наивно полагала, что хорошо владею языком. Так продолжалось до моего зна-

---

 Материалы к биографии

комства с Невским. Помню, как-то вечером я навестила больного Фумио Ока и услышала, что он говорит с каким-то японцем. Но когда я вошла в комнату, то увидела его собеседника — им оказался русский, невысокий худощавый человек, который горячо и быстро говорил по-японски. Это был Николай Александрович Невский. Как он говорил! С тех пор прошло почти сорок лет, но за все эти годы я ни разу не встретила ни одного иностранца, так красиво и с такими неподражаемыми чисто японскими интонациями, так литературно говорящего по-японски. Невский знал, что блестяще владеет языком, и всегда говорил со мной по-японски, хотя моя «японская речь» не могла не резать его слуха. Фумио Ока с восторгом говорил: «Понимаете, у него не речь, а музыка для японского уха».

В феврале 1933 г. я стала преподавателем японского языка в ЛИФЛИ.

Однажды Н. А. пригласил меня в гости и попросил бывать у них почаще, потому что его жена, Мантани Кёкурэн, скучает без дружеского общения. Я очень обрадовалась его приглашению: наконец-то я услышу речь интеллигентной японки (я общалась в основном с мужчинами). Мантани Кёкурэн была артисткой, она исполняла японские средневековые баллады, аккомпанируя себе на *бива* (четырёхструнный музыкальный инструмент).

Невские жили в двух маленьких комнатах, выделенных им академиком В. М. Алексеевым в своей квартире (ул. Блохина, д. 17/1, кв. 5). В меньшей комнате был кабинет, в большей — столовая.

Меня встретили миловидная женщина и очаровательная девчушка с румяными пухленькими щечками и подстриженной челкой темно-каштановых, почти черных волос. Девочка казалась японкой, только ее волосы были не черными, как вороново крыло, а цвета бронзы. Н. А. Невский встал из-за письменного стола, заваленного книгами и бумагами, и приветствовал меня по-японски. Я почувствовала, что в этой тесной комнатке царят домашний уют и семейное тепло.

Николай Александрович рос без родителей, и, может быть, поэтому был очень привязан к семье, своей дочке Нелли и жене Мантани-сан, которая была ему преданным другом и помощником.

Мантани-сан добилась на родине известности как артистка и могла сама обеспечить себя и ребенка, но она поехала в СССР, к мужу. Это был настоящий подвиг: одной с 4 летним ребенком на руках, без друзей и знакомых, без знания языка отправиться в чужую страну, где и климат, и пища, и уклад жизни — все непривычно. Ей удалось преодолеть множество препятствий на этом пути и в конце концов она сумела создать условия для плодотворной работы своего мужа. И все же Мантани-сан очень скучала, потому что из-за незнания русского языка была лишена возможности с кем-либо общаться. Невскому хотелось, чтобы мы подружились. На мне в день знакомства был пуховый берет василькового цвета, и девочка, протянув ко мне ручки, радостно пропищала: «Аобоси-но оба-тян! (тетя Синяя Шапочка!)» — это прозвище так и осталось за мной в семье Невских.

Я любила бывать у Невских. Мантани-сан играла на *бива* и *сямисэне* (трехструнный музыкальный инструмент) и пела. Я наслаждалась музыкой женской речи. Иногда заходил Н. И. Конрад, живший в том же доме. Он был очень привязан к маленькой Нелли, симпатия их была взаимной.

Невский, как правило, уходил работать в кабинет. Я вообще не представляю его себе иначе как за книгами или рукописями. Через открытую дверь было видно, что он сидит по-японски на *дзабутоне* на полу, застланном татами, перед низеньким столиком и что-то пишет.

В 1934 г. были открыты специальные факультеты переводчиков японского языка в ЛИФЛИ и ЛВИ. Занятия там строились таким образом: русский преподаватель и японец все время занимались со студентами двусторонними переводами. Н. А. Невский и Мантани-сан тоже преподавали и были загружены педагогической работой до предела.

Можно только удивляться, как при такой нагрузке Н. А. Невский находил время для активных занятий тангутикой. С утра он шел на работу в ЛВИ или ЛИФЛИ, а ночи напролет просиживал над тангутскими рукописями. Ему не хватало времени, чтобы разобрать и описать коллекцию тангутских рукописей и ксилографов, привезенную П. К. Козловым из Харахото и хранящуюся в ИВАНе.

Невский обладал редким лингвистическим талантом. Он знал 16 труднейших восточных языков, владел их письменностями и стремился узнать все их тонкости. Японский, китайский, тибетский, монгольский, маньчжурский, тангутский, пали, корейский, говоры аборигенов Формозы, ряд диалектов японского языка, язык рюкюсцев, айнский, гиляцкий, языки островитян Тихого океана — вот краткий перечень языков, которыми владел Невский. Кроме того, в его активе были латынь, немецкий и французский языки, которые он изучил в классической гимназии в Рыбинске. Английским он владел в совершенстве, на нем он писал и печатал в Японии свои статьи. Хочу отметить, что большинство из перечисленных языков он знал не пассивно («читаю и перевожу со словарем»), а великолепно говорил, соблюдая все их тонкости, поражая своим произношением даже носителей языка. Для чтения буддийской литературы Невский изучил санскрит.

В Японии друзьями Невского были известные ученые — филологи, этнографы и диалектологи, которых привлекали его блестящий японский язык, широта научных интересов и, конечно, личное обаяние, общительность, остроумие и доброжелательность.

Профессора Янагида Кунио, Оригути Синобу, Иха Фукюэн, Накаяма Таро, Хасэгава Котаро, Окамура Тиаки, Исихама Дзюнтаро, Ока Масао и другие не только уважали и ценили Невского как ученого, но и глубоко и искренне любили его как человека. Он принимал участие в научных заседаниях, проводившихся ежемесячно в Токио в квартире профессора Янагида Кунио. Невский приезжал на них из Осака или Киото. Он не только активно участвовал в дискуссиях по филологии, этнографии и диалектологии, но выступал с докладами. Кроме того, он публиковал свои статьи в этнографическом журнале «Миндзоку». Проф. Исихама Дзюнтаро отзывался о Невском как о блестящем ученом, о чем свидетельствует его письмо акад. В. М. Алексееву¹.

К восьмидесятилетию Н. А. Невского в Японии был выпущен сборник «Луна и бессмертие»², составленный проф. Ока Масао из статей ученого по этнографии, напечатанных в 20—30-х годах. В него включены также письма Невского японским этнографам, относящиеся ко времени сбора материала по культу божества Осирасама. Мысли, высказанные Невским в этих письмах, не потеряли актуальности для этнографов и в настоящее время.

Проф. Ока Масао написал предисловие к этому сборнику и включил в него биографический обзор Като Кюдзо «Жизнь Невского». Като Кюдзо в своем обзоре во многом следовал интересной книге Е. И. Кычанова «Звучат

¹ Архив востоковедов ИВ РАН. Д. 528. Л. 62—64.

² Н. Невский. — Ока Масао. Сб. Цуки то фуси. Токио, Хэйбонся, 1971.

лишь письма» (раздел о Н. А. Невском)¹. В сборнике напечатан также каталог трудов Н. Невского.

Научные штудии Невского в Японии в основном шли по двум направлениям: 1) филологическое, в том числе и лингвистическое, на базе Кансайского научного общества «Сэйан», во главе которого стоял проф. Исихама Дзюнтаро, 2) этнографическое, в том числе сбор фольклорных материалов, разрабатываемое вместе с группой ученых, которой руководил проф. Янагида Кунио.

Като Кюдзо пишет, что заслуги Невского перед японской наукой особенно значительны в трех областях:

1. *Этнография*. Невскому принадлежит приоритет в исследовании культа божества Осирасама. Культ Осирасама прослеживается во всех районах Японии. Невский находил в нем черты, сходные с шаманством народов Сибири, хотя отрицал возможность его заимствования с материка. Он первый обследовал места бытования этого культа в ряде районов на Хоккайдо и привлек к ним внимание японских ученых.

Невский обследовал район Тохоку — северо-восточную окраину острова Хонсю, район р. Тоногава: центральную часть префектуры Иватэ, восточные и западные районы префектуры Аомори, районы к югу от города Сэндай, прослеживая изменение форм этого культа. Им была проделана огромная работа, к которой он привлек десятки японских ученых, служителей культа, деревенских старост. В ходе работы он консультировался с Янагида Кунио и известным японским айноведом проф. Киндайти Кёсукэ. Осмыслив полученные данные о культе Осирасама, божества, которое в разных местностях известно под разными именами и выступает в разных ипостасях (мужской и женской), Невский выделил общий субстрат этого культа, тем самым разрешив одну из интереснейших проблем японской этнографии.

Авторитет Невского среди японских ученых-этнографов был исключительно высок еще и потому, что он познакомил японцев с трудами Льва Яковлевича Штернберга. В сборнике «Луна и бессмертие» Ока Масао поместил статью Невского о Штернберге со списком трудов последнего. Для японской науки этнографические исследования Штернберга в Сибири были откровением. В особенности они оказали влияние на айноведа Киндайти Кёсукэ, друга и учителя Невского.

2. *Айноведение*. Невский жил на Хоккайдо; занимался айнским языком не только с таким знатоком, как Киндайти, но и с айнами. В его доме гостили айнские сказительницы, со слов которых он записывал народные песни и сказки. В Архиве востоковедов хранятся его черновые записи айнского фольклора. В сборнике Ока Масао поместил напечатанные в Японии айнские мэноко и юкара в японских переводах².

Часть архива Невского находится в библиотеке университета Тэнри. Ока Масао рассказывает о том, каким образом рукописи Невского попали туда. В 1943—1944 гг. Ока читал лекции в Саппоро. Банкир Кикую показал ему

¹ Кычанов Е. И. Звучат лишь письма. М., 1965. С. 139.

² В рукописном отделе СПбФ ИВ РАН хранится ряд рукописей и ксилографов японских авторов XVIII—XIX вв. об айнах, большей частью отсутствующих в Японии (см.: Петрова О. П., Горегляд В. Н. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Вып. I. М., 1963. Раздел этнография. II: Айны. Оп. № 135—165). Эти рукописи требуют пристального внимания отечественных исследователей. Список рукописи «Эдзо Мацумо карасу» («Мацумайский ворон»), сделанный известным японским ученым Хирага Гэннай (1729—1779), датированный 1764 г. (шифр В-144), о быте, обычаях и промыслах хоккайдоских айнов, должен быть переведен и издан.

кипы студенческих тетрадей с записями, приобретенные на городском рынке у букиниста. Его интересовало: представляют ли они какую-либо ценность? К изумлению Ока, это оказались тетради Невского с записями по тангутскому языку, айнскому языку и фольклору, а также с копиями писем японским ученым. По приезде в Токио Ока сообщил о находке профессору Янагида, который описал эту историю в сборнике «Кокё ситидзюнэн» («К семидесятилетию Родины»)¹. Благодаря этому записи Невского были приобретены университетом Тэнри.

3. Диалектологические исследования на о-ве Окинава.

Сравнительные исследования диалектов Сюри, Наха с киотоским в современном их состоянии не учитывали их диахронических изменений, и чисто формально делался вывод об их идентичности. Ознакомившись с языковыми особенностями диалектов на островах Мияко, Невский установил истинные причины расхождений и сходства этих диалектов с учетом динамики их развития.

В сборнике «Луна и бессмертие» перепечатаны статьи Н. А. Невского по исследованию *аяго*-песен на местном диалекте, записанных им со слов жительницы дер. Симадзири в 1922 г. К статье приложен словарь и краткие грамматические заметки. Кроме того, в сборнике помещены материалы Невского по детским играм на острове Мияко, фонетически записанная рюкюская сказка, песни из Каримата, аяго о цветах бобов, записанные Тадзима Рисабуро, в переводе Невского на японский язык.

В октябре 1937 г. Н. А. Невский был репрессирован, у него было отнято все: любовь, семья, наука, честь и свобода, но этот удар судьбы не убил в нем гуманного отношения к людям. Об этом свидетельствует В. М. Титянов, оказавшийся в одной тюремной камере с Невским².

В Японии знают о трагической судьбе Н. А. Невского и его жены. Этому способствовала исследовательница детской литературы Танака Канако. Ей случайно попала в руки визитная карточка Невского, найденная при разборе архива известного этнографа Сасаки Кидзэн. Танака Канако вспомнила о замечательном русском ученом, дешифровавшем тангутские рукописи из раскопок П. К. Козлова, и о том, что читала о нем статьи, опубликованные в Китае в 50-х годах, а затем в Японии. Просматривая документы, относящиеся к деятельности Невского в Национальной библиотеке и библиотеке университета Тэнри, она была поражена широтой его научных интересов и решила побывать в тех местах, где вел исследования Невский. На о-ве Мияко она встретила с этнографом и краеведом г-ном Симодзи, лично знавшим Невского, потом она объехала все острова Окинава по следам Невского и, вернувшись в Токио, засела за его записи в библиотеке Тэнри. Вскоре она узнала о реабилитации Невского на родине, о том, как высоко оценены его труды и о том, как продолжает его исследования новое поколение ученых. Танака Канако побывала в Ленинграде, лично познакомилась с ленинградскими востоковедами и с дочерью Невского, Нелли. Обо всем этом Танака Канако написала статью «Одна визитная карточка» в газете «Рюкю симпо»³.

В феврале 1972 г. я получила письмо от незнакомого японца из города Куромацунай на Хоккайдо. Им оказался родной дядя Нелли Невской, младший брат ее покойной матери Мантани Кёкурэн. Он узнал мою фамилию от

¹ К семидесятилетию присоединения Рюкю к Японии в 1872 г.

² Письмо В. М. Титянова см. в наст. изд.

³ Танака Канако. Одна визитная карточка: По следам Невского // Рюкю симпо. 1971. 21, 22, 23 сентября.

 Материалы к биографии

японских ученых и решил через меня установить связь с племянницей, которую разыскивал сорок лет. Нелли вырастили дальние родственники Н. А. Невского, очень хорошие люди, кроме того, ей всегда помогал друг отца, академик Н. И. Конрад.

Нелли, воспитанная в русской среде, увы, совершенно забыла японский, язык своего детства. И по сей день она живет в Ленинграде, работает врачом-педиатром.

Волею судьбы архив Невского стал достоянием науки двух стран. Обмен материалами и микрофильмами, вероятно, дело будущего, а сотрудничество ученых России и Японии будет истинным памятником Николаю Александровичу Невскому.

О родителях

Е. Н. Невская

Вспоминая родителей, я погружаюсь в мир далекого-далекого детства, с которым у меня связано все самое теплое, светлое и дорогое.

С тех пор прошло более 54 лет, т. е. вся жизнь с ее хорошим и плохим. Многое забылось, стерлось, но кое-что осталось. Из раннего детства, относящегося к японскому периоду жизни, в моей памяти сохранился один яркий эпизод. Николай Александрович принимает сидячую японскую ванну, отдаленно напоминающую деревянную бочку, только бо́льших размеров. Он берет меня в руки и опускает в воду. По краю ванны ходит маленькая обезьянка и пытается своими лапками «мыть» мне голову. Вероятно, это происходило незадолго до отъезда Николая Александровича, т. е. мне было около полутора лет.

Обычно же я вспоминаю отца за работой, сидящего в кабинете за письменным столом, обложенного книгами, бумагами, карточками, в клубах табачного дыма. Работал он очень много и во многих местах. «В настоящее время Н. А. работает в ЛВИ в качестве профессора на специальном японском секторе, в ЛИФЛИ — в качестве профессора на II-м курсе японского разряда, где читает лекции по японской фонетике, и в ИВ Ак[адемии] Н[аук], где работает над определенными планом японскими темами (в том числе над ударной темой Японского кабинета по переводу "Нихон Гайси"), над описанием тангутских рукописей и ксилографов и занимается с аспирантами. В ЛВИ он дает консультацию студентам и ведет методологический семинар с нерусскими преподавателями японского языка (японцами и корейцами)». В Университете он также читал лекции и вел занятия со студентами. Несмотря на такую загруженность педагогической работой, Н. А. вкладывал всего себя в науку. Для этого нужно было время, которое он черпал за счет своего сна и отдыха. Он дорожил каждой минутой. Спал по 4—5 часов в сутки, стараясь ежедневно сделать как можно больше. Казалось, что он торопится, боится не успеть завершить начатое. Такой режим был у него и во время отпуска, поэтому при выезде на дачу основной багаж составляли книги, рукописи, карточки.

Н. А. был очень скромным человеком. Он никому не рассказывал о своих открытиях и достижениях. Он работал не для славы, а для науки. Наша дальняя родственница, Т. Н. Крылова, прочитав книгу Л. Л. Громковской и